

В.К.Косс

**Я БОЛЬШЕ
НЕ БУДУ
ТВОИМ
АЛИБИ**

В.К. Косс

Я больше не буду твоим алиби

«Автор»

2026

Косс В.

Я больше не буду твоим алиби / В. Косс — «Автор», 2026

Муж принес в мою новую квартиру тапочки, ужин и просьбу: еще раз подтвердить, что в тот вечер он был дома. Мы уже живем отдельно. Но Антон по-прежнему уверен, что я найду для него нужные слова. Однажды я солгала ради него. Из-за моей лжи звукорежиссер Михаил Горин потерял заказы и репутацию. Теперь нам предстоит вместе работать над музейным маршрутом. Я умею описывать то, чего другие не видят. Сказать правду о себе оказывается гораздо труднее. Мне тридцать шесть. Я хочу закончить собственный проект, разобраться с браком и научиться жить без постоянной оглядки на мужа. Влюбляться в человека, которому я навредила, в мои планы не входило. Особенно когда рядом с ним так легко снова захотеть быть нужной — и забыть, чего хочу сама.

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восемнадцать сорок	5
Глава 2. Начало маршрута	8
Глава 3. Слышимость	11
Глава 4. Без общей подписи	13
Глава 5. Семейный обед	15
Глава 6. Юлины папки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В.К. Косс

Я больше не буду твоим алиби

Глава 1. Восемнадцать сорок

Антон принес свои тапочки в пакете из магазина и поставил возле моего коврика.

— У тебя пол холодный, — сказал он.

Я смотрела на серую шерстяную пятку, зашитую мной в прошлом феврале. Антон снял ботинки и придержал дверь плечом. В левой руке у него была папка, в правой — пакет с едой. Я стояла, держась за ручку настежь открытой двери.

— Я тебя не приглашала.

— Лид, я на десять минут. Заодно поговорим.

В съемной квартире прихожая почти сразу становилась кухней. Пока я придумывала, как отказать человеку, который двенадцать лет входил следом за мной, Антон поставил на стол контейнеры. От одного потянуло печеным луком. Раньше по средам он забирал еду у своей тети: две порции, даже когда я просила одну. Теперь была среда, двенадцатое ноября, и он, видимо, решил, что переезд не отменяет ужин.

Я осталась у двери.

— У меня работа.

На стуле лежали наушники, на экране ноутбука был остановлен кадр: пустой выставочный зал, женщина у круглого стола. Я писала аудиоописание для музейного маршрута. Уже полчаса выбирала между «лежит» и «расположен», хотя в готовом тексте не должно было остаться ни того ни другого.

Антон снял пальто.

— Я тихо. Поешь хотя бы.

Он не повысил голоса. Вообще редко повышал. Поддел вилкой крышку моего контейнера, заглянул внутрь: сырого лука не было, как я любила. И пока он возился с крышкой, я выпустила дверную ручку.

— Что в папке?

— По июньскому мероприятию. Обычная сверка. Дом на Литейной проверяет всех подрядчиков, там новый директор с порядками.

Я положила наушники на подоконник. На столе едва помещались ноутбук и тарелка, зато все, что стояло на виду, выбрала я сама.

Антон достал один лист.

— Помнишь, ты тогда писала Кедрову? Он сейчас у них руководит запуском. Нужно подтвердить, что письмо настоящее и от тебя. Адрес-то был общий, рабочий.

Я помнила.

Четырнадцатого июня в зале «Цех» сорвалась презентация колледжа. Пропал звук, люди простояли под сценой почти час, директор говорил в мертвый микрофон. Я в тот вечер была дома. Сначала собиралась приехать, потом Антон попросил закончить тексты для другого заказа. На следующий день он сидел за столом, обхватив голову, и говорил о деньгах, которые придется вернуть. О Юле, которой нечем будет платить. О своей ошибке: доверился ненадежному человеку.

Я написала, что с шести до десяти вечера он работал дома при мне. И что организационные решения на площадке принимал звукорежиссер Михаил Горин.

В восемнадцать сорок Антон вышел за дверь. Я слышала, как он сбежал по лестнице: лифт у нас снова не работал.

— Это не обычная сверка, — сказала я.

— А что?

Я взяла лист. Ниже моего старого письма добавили два абзаца. Теперь выходило, что я не только подтверждала присутствие мужа дома, но и лично слышала его распоряжение не менять согласованный состав оборудования. Внизу стояла пустая строка для подписи.

— Я этого не слышала.

— Ну, конечно, не слово в слово. Ты же знаешь, что я такого не разрешал.

Он сел на свое пальто, не заметил, вытащил его из-под себя и повесил на спинку. В старой квартире я бы уже забрала пальто в прихожую: он терпеть не мог, когда на нем оставались складки.

— Я знаю, что ты ушел в восемнадцать сорок.

Антон посмотрел на окно, будто именно там лежал нужный ему ответ.

— За бумагами. На полчаса.

— Ты вернулся после одиннадцати.

— Лида, мы это обсуждали.

Мы не обсуждали. Он объяснил, я отправила письмо. После этого у него перестал дергаться глаз, и мы поехали покупать маме на день рождения кофеварку.

— Не буду подписывать.

Он подвинул контейнер ко мне.

— Давай сначала поедим.

Я убрала контейнер со своего рабочего стола. На его месте осталось круглое влажное пятно.

— Нет.

Несколько секунд он сидел неподвижно. Потом взял лист за угол.

— Ты понимаешь, что старое письмо от этого никуда не денется? Оно твое. Там твой адрес и твоя подпись в конце.

— Понимаю.

— Не очень похоже. Если ты сейчас начнешь рассказывать, что все было иначе, тебя первую спросят, зачем ты врала. Не меня.

От этих слов мне стало холодно, хотя батарея возле колена обжигала сквозь брюки. Я знала, что он прав хотя бы в этом. Отдельная квартира не делала ту женщину, которая нажала «отправить», посторонним человеком.

— И еще, — продолжил Антон уже мягче. — Ты сама собираешься им сдавать маршрут. Тебе сейчас совсем не нужны такие разговоры.

— Откуда ты знаешь?

— Рита сказала. Что здесь такого? Мы с ней знакомы не со вчерашнего дня.

Я вспомнила, как обрадовалась письму Риты. Дому на Литейной нужен был доступный маршрут по постоянной экспозиции. Отбор на четыре месяца работы, нормальные деньги, возможность указать себя автором, а не человеком, который «помогал с текстами». Я еще не получила заказ. Только готовила образец за свой счет.

Антон поднялся.

— Возьми до завтра. Спать на голодный желудок не надо, потом опять голова заболит.

Он закрыл папку, а лист протянул мне. Я не взяла. Антон опустил руку и положил бумагу на край стола, подальше от влажного круга.

У двери он снова помедлил.

— Я не враг тебе, Лид.

— Я знаю.

Я знала человека, который стоял передо мной. Он мог ночью поехать через весь город за лекарством для моего отца, полдня собирать чужой шкаф. Я еще помнила, как он сидел со

мной в больничном коридоре и грел мои руки. Теперь он ждал подписи под двумя новыми абзацами. Мне хотелось попросить его убрать лист, чтобы не видеть рядом и его, и эту бумагу.

Он снял тапочки, сунул обратно в пакет. Разуваться второй раз за вечер оказалось нелепо, и он неловко усмехнулся. Я едва не улыбнулась в ответ.

— Ключ оставь, пожалуйста, — сказала я.

Ключ от съемной квартиры я дала ему в день переезда. Для коробок: часть вещей еще неделю стояла у нас дома. Антон поискал его на связке. Отделил маленькое кольцо ногтем, положил на тумбочку.

После его ухода я долго мыла вилку, хотя никто ею не пользовался. Потом села к ноутбуку и открыла список участников завтрашнего осмотра Дома. Рита прислала его утром, я тогда посмотрела только время.

За звуковое сопровождение и тестирование оборудования отвечал Михаил Горин.

Я нашла старое письмо. Восемнадцать строк. Под ними — мое имя, должность редактора и обещание предоставить дополнительные сведения по запросу.

С кухни было слышно, как капает плохо закрытый кран. Я вернулась, завернула его сильнее и только потом дочитала письмо до конца.

Глава 2. Начало маршрута

— Откуда я должна знать, где у вас слева? — спросила Ася.

Она стояла спиной к окну. Я стояла лицом к ней. В написанном мной маршруте посетителю предлагалось посмотреть налево.

— От входа, — ответила я и сразу поняла, что сказала.

— А сейчас я уже не у входа.

Ася держала телефон в красном чехле. На одном запястье болтался шнурок, на другом — резинка для волос. Рита представила ее как консультантку по доступности. Первые десять минут я старательно смотрела ей только в лицо, боясь показаться бестактной, а потом едва не наступила на сложенную трость возле ее сумки.

— Давайте сначала, — предложила Ася. — Только я встану там, где оказался бы человек, которому никто не показал красивый угол.

Она вернулась к двери, нащупала ручку и достала телефон.

Дом на Литейной открывался в феврале. В бывшем административном здании бумажной фабрики уже отремонтировали первый этаж, наверху еще стучали и пахло мокрой шпаклевкой. Постоянная экспозиция рассказывала о людях района: наборщиках, инженерах, дворниках, о женщине, которая сорок лет продавала билеты в местный кинотеатр. Рита полгода собирала для нее голоса и фотографии. Теперь из этого следовало сделать маршрут, по которому можно было пройти без человека, постоянно говорящего «сюда».

Я включила запись своего текста. Профессионального диктора для образца пока не было.

«Перед вами — стол мастера. На нем расположены инструменты...»

Ася остановила воспроизведение.

— Стол я уже нашла. Он мне в бедро уперся. Давайте сначала договоримся, где я стою, а потом будем восхищаться инструментами.

Рита прыснула в ладонь.

Мне стало обидно. Я сидела над этим образцом три вечера. Убирала сложные фразы, измеряла паузы, сама прошла путь от двери. Стол, правда, за ночь передвинули.

— Здесь в плане было другое место, — сказала я.

— Тогда это хорошая проверка плана.

Ася не смягчила голос и не стала меня утешать. Открыла заметки, продиктовала себе «новая точка начала, отступ от стола», спросила, включен ли в мою смету еще один день тестирования.

Не был.

— Включите. И мой тоже. Бесплатно я могу только прийти на открытие и съесть бутерброд.

Я записала. Мне внезапно полегчало: со мной разговаривали о работе, которую можно было исправить.

В зале щелкнул свет, потом зашуршала открытая коробка. Мужчина у дальней стены доставал из нее небольшую колонку. Темная футболка под расстегнутой рубашкой, потертая сумка под ногами, выщипанные волосы с первой сединой у висков. Я узнала его раньше, чем Рита сказала:

— Это Михаил. Мы переписывались все вместе, помнишь?

Я кивнула.

В июне мы с Гориным обменялись двумя рабочими сообщениями. О времени выхода ведущего и музыкальной подложке. Потом я слышала о нем от Антона. Часто. Всегда с одним и тем же вздохом.

— Здравствуйте, — сказал Михаил. — Вы пока здесь будете? Я могу в соседнем зале начать.

— Мы минут через двадцать закончим, — ответила Рита.

Он посмотрел на часы.

— Тогда я чайник поставлю. Кто-нибудь будет?

Ася попросила крепкий чай без сахара. Рита — любой. Я отказалась, хотя с утра выпила только кофе. Стоило сейчас взять у него чай, поблагодарить, улыбнуться — и я бы, наверное, отложила разговор еще на день.

Михаил ушел. В соседней комнате загудела вода.

Мы еще раз прошли маршрут. Я больше не держала перед собой телефон, слушала запись вместе с Асей и слышала вещи, которые вчера казались хорошими: слишком ранний поворот, лишнее «конечно», длинную фразу о ручном труде перед предметом, который можно было дать потрогать.

— А можно не объяснять мне, что я должна почувствовать? — спросила она на третьем отрывке.

Я выключила запись.

— Можно.

— Вот. А то вы говорите «это трогательное свидетельство». А мне, может, смешно.

Рита пошла встречать подрядчика. Мы с Асей остались возле окна. Из двора доносился скрежет — кто-то двигал строительную ограду. Я спросила, не мешает ли он записи. Ася пожала плечами:

— Люди тут будут гораздо громче. В рассказе можно оставить. Только когда объясняете, куда идти, я бы убрала: трудно слушать сразу все.

Она ушла в половине двенадцатого, затребовав у Риты официальный график следующих проб. Я собрала вещи и заметила у своего ноутбука бумажный стаканчик. Рядом лежал нераспечатанный пакетик чая.

— Я не заваривал, — сказал Михаил из дверей. — Вдруг захотите.

Я поблагодарила. В коридоре он присел возле колонки, поправил кабель и нажал кнопку. Звук включения оказался неожиданно громким. Мы оба вздрогнули.

— Это я обещал вчера проверить, — сказал он. — И не проверил.

Так просто, без пояснения, почему не успел, что я не сразу нашла ответ.

— Бывает.

— Бывает. Но лучше бы не при посетителях.

Я потянула застежку сумки. Антонов лист лежал внутри, между блокнотом и распечатанным планом. Я взяла его утром, сама не понимая зачем.

— Михаил, вы завтра здесь будете?

— В субботу. Часам к десяти. А что?

— Мне нужно с вами поговорить.

Он перестал сматывать провод. Взглянул на мое лицо внимательнее.

— По маршруту?

— И по нему тоже. Но есть еще июнь. «Цех».

Его руки остались на проводе. За окном во дворе что-то упало, раздался короткий смех рабочих.

— Вы от Антона?

— Нет.

— У вас фамилия Сафонова?

Я подтвердила. Мне захотелось сказать, что мы больше не живем вместе. Показалось, если сообщу это сейчас, он обязан будет смотреть на меня иначе. Я удержалась.

— В субботу, — сказал Михаил. — Только без Антона.

Я спустилась на улицу, так и не выпив чай. На остановке написала Рите, что к вечеру не успею: начало придется переделать, новый образец будет в воскресенье. Посмотрела на сообщение, прежде чем отправить. Обычно я обещала успеть, а к ночи уже придумывала объяснение.

Потом нашла в расписании Аси свободный час. Он стоил денег, которых в моей первой смете не было. Я открыла таблицу и добавила новую строку.

Глава 3. Слышимость

В субботу Михаил работал наверху. Я услышала его раньше, чем увидела: он просил кого-то не убирать стремянку, потому что уже дважды ходил за ней вниз.

— Я не убирала, я пользовалась, — ответил молодой женский голос.

— А я уже дважды пользовался лестницей.

В ответ засмеялись.

Девушка с короткой косой стояла на стремянке под потолочным динамиком. Михаил стоял внизу, придерживал боковину стремянки. Девушка нажимала что-то на телефоне, и сверху снова раздавалось одно и то же объявление.

— Лида, — сказал он, заметив меня. — Это Соня, наш техник. Будущий мой начальник, если перестанет терять стремянку.

— Я уже ваша начальница, — сказала Соня. — Рита написала, что ключи у меня.

Ей было года двадцать три. Я вдруг вспомнила, как сама в двадцать три получила ключи от редакции маленького районного журнала и носила их на широкой ленте, как пропуск во взрослую жизнь. Антон тогда снимал офис через этаж. Он первым из посторонних заметил мою новую стрижку.

Я поставила сумку возле стены. Спросила, долго ли им еще. Михаил предложил пройтись по залу с моим текстом: пока Соня была наверху, они могли проверить слышимость.

Я согласилась. Отказаться от работы, ради которой мы пришли, только потому, что мне страшно, было бы слишком удобно.

Он дал мне приемник с наушниками. Одна накладка была теплая от его ладони. Соня включила запись, я пошла между еще пустыми подставками. На середине фразы звук пропал.

— Стоп, — сказала я.

Михаил не подошел сразу. Попросил не менять положения, спросил, возле какой стены я стою. Я ответила.

— А теперь шаг в сторону.

Запись появилась. Я услышала собственный голос: «На краю фотографии...»

— Не текст виноват, — сказал Михаил с другого конца зала. — Здесь надо положение оборудования менять. Еще раз потом проверим.

Я хотела возразить: текст тоже был виноват. Но он уже показал Соне место на плане и попросил отметить его красным. Я следила за его руками, за тем, как он перепроверяет расстояние до стены. Ловила себя на глупом желании увидеть ошибку — хоть что-нибудь, за что можно было бы зацепиться, вспоминая июнь.

Соня ушла вниз за батарееками. Михаил прислонил стремянку к стене.

— Про июнь вы хотели?

Я достала лист. На сгибе от сумки образовалась небольшая дырка.

— Антон просил это подписать. Я не подписала. Но первое письмо отправила сама. Летом.

Он не взял бумагу. Попросил прочитать.

Я начала с обращения к Кедрову. На второй строке голос стал тоньше; я остановилась, сглотнула и продолжила обычным голосом. Михаил слушал до конца, глядя на стремянку.

— «Лично присутствовала». Это вы?

— Да.

— То есть он был у вас дома?

— Нет. Ушел до семи. Вернулся после одиннадцати.

Михаил вытер ладони о джинсы.

— А где он был, вы знаете?

— Точно — нет. Мне сказал, что на площадке. По телефону было слышно музыку.

— На какой?

— Я не спросила.

Он усмехнулся, совсем коротко. Мне стало жарко под воротником. Я расстегнула пальто, хотя в зале было холодно.

— Не спрашивать удобно, — сказал он.

— Да.

— Не надо сейчас со мной соглашаться. Я не для вас это говорю.

Внизу загремела тележка. Соня крикнула, что батарейки нашли, но упаковка чужая, и можно ли брать. Михаил ответил громче, чем нужно. Потом попросил ее отнести коробку к Рите и вернуться через полчаса.

Я стояла, держа лист перед собой. Положить его было некуда, кроме пола.

— У меня после этого сняли два осенних заказа, — сказал Михаил. — На втором даже не стали объяснять. Первый объяснил. «Нам сказали, вы можете самовольно уйти с площадки». Я показывал переписку. Ту, где меня сам Антон отправил за пультом. Мне отвечали: мы в ваших отношениях не разберемся. Я полтора часа ездил между залом и складом, чтобы спасти его заказ. Потом это называли моим уходом.

— Я не знала про заказы.

— Про меня вы вообще мало знали.

Я снова кивнула. Он посмотрел на мой кивок, и я наконец заставила себя ответить словами.

— Знала достаточно, чтобы не писать про вас. Этого хватало.

Он впервые посмотрел на меня прямо. Я не смогла понять, изменилось ли что-то в его лице.

— Вы теперь хотите сказать, что Антон виноват во всем?

— Я хочу исправить то, что написала. Остальное мне надо выяснить.

— А если выяснится, что он прав?

— Дома его все равно не было.

Михаил взял лист. Прочитал только добавленные абзацы, старые, видимо, знал.

— Как вы с этим жили?

Вопрос был произнесен тихо. Я ждала злости, к ней хотя бы можно было подготовиться. К этому — нет.

— Плохо. Но не настолько плохо, чтобы что-нибудь сделать.

Он вернул бумагу.

— Мне нужно побыть без вас.

Я нашла сумку. У двери поняла, что забыла снять наушники: провод тянулся к приемнику в кармане пальто. Вернулась, положила все на коробку. Руки справились со второй попытки.

Михаил стоял спиной у окна. Не повернулся, когда я положила наушники. Я не ждала, что он меня утешит. Но, когда вышла на лестницу, все равно захотелось, чтобы кто-нибудь сейчас сказал: «Ты не такой уж плохой человек».

Внизу Соня спросила, закончили ли мы тест.

— Не до конца, — ответила я.

Она достала блокнот. Я показала место провала на плане, объяснила, в какую сторону сделала шаг. Соня подчеркнула номер комнаты остро заточенным карандашом. Я выровняла смятый лист и убрала в сумку.

Глава 4. Без общей подписи

В понедельник Михаил написал, что готов прислать рабочую переписку за июнь. Я ответила не сразу. Сидела в автобусе, держала в пакете картошку: мама попросила купить по дороге, в ее магазине опять была одна крупная.

«Можно будет показать их Кедрову?» — набрала я.

Он ответил: «Сначала прочитайте сами. Пока никуда не пересылать».

Я сохранила это сообщение отдельно.

Потом позвонила маме и сказала, что не приеду к обеду. Она спросила, случилось ли что-нибудь с Антоном. Я ответила, что не знаю. Мама помолчала.

— Ты хоть картошку купила?

Я посмотрела на пакет у ног.

— Купила. Завезу в четверг.

До своей квартиры я доехала с картошкой и файлом, который не хотелось открывать в автобусе. Сварила две штуки прямо в кожуре, одну съела у плиты, вторую оставила на тарелке. И прочитала все, что прислал Михаил.

В письмах говорили о пропусках на склад, недостающем приборе, времени возврата. Из-за сокращений я сперва не поняла даже, какое сообщение за каким читать. «Миша, заberi сам, я пока решаю другое». «Резерв же в машине?» — «Его Юля отправила в Берег, Антон сказал, там нужнее». «Не начинайте без проверки». Последнее сообщение было отправлено за сорок минут до начала программы.

Я читала медленно, путалась в названиях. В моем старом письме все оказалось гораздо проще: один человек находился дома, другой принимал решения. Эти две строки заменили остальное.

В шесть я позвонила Михаилу. Он долго не брал трубку, потом ответил на фоне глухого стука.

— Можно не сейчас, если неудобно, — сказала я.

— Я дома. Стиральная машина ходит.

Он отошел, звук стал тише.

— Я прочитала. Вы говорили про резерв. В «Берег» отправили тот, который был согласован для «Цеха»?

— По накладной — наш. По факту я увидел уже потом. На площадке мне сказали, что его еще везут.

— А кто решил начать?

— Ведущий вышел по команде Антона. Не по моей. Я в тот момент возвращался со склада. В зале усилитель уже на прогоне отключался, поэтому мы и согласовали запасной комплект. Начинать без него было нельзя. Но вы это с моих слов пока знаете. Я не хочу, чтобы вы теперь просто поверили другому мужчине.

Мне пришлось отодвинуть тарелку, чтобы поставить локоть на стол.

— Я могу запросить документы у Юли.

— Можете. Только у нее работа. Ваш Антон останется ее начальником после вашего разговора.

Я сидела перед экраном. Во мне поднималась обида: я хотя бы пыталась, а он отвечал так, будто я снова собиралась все испортить. Потом я посмотрела на свое старое письмо, открытое в соседнем окне, и обида не исчезла, но перестала казаться убедительным доводом.

— Я в названиях путаюсь, — сказала я. — Если не объясните, опять пойму что-нибудь не так.

— Вы со «Сменой» еще работаете?

— Нет. С сентября не беру их заказы. И с Антоном с тех пор живем отдельно. Он молчал. В трубке снова застучало.

— Подождите, я ее выключу.

Пока Михаил возился с машиной, я доела холодную картошку. Оказалось, я была голодна.

— Вопросы по документам задавайте Юле, — сказал он, вернувшись. — По технике — мне. Я объясню. Но никаких общих писем от нас двоих. Я не хочу становиться участником вашего расставания.

— И не нужно.

— Насчет Дома. Я могу попросить другого человека вести ваш тест.

Я посмотрела на расчет бюджета. Чужой специалист означал еще одну цену, еще одно знакомство, еще раз сначала объяснять, зачем нам тишина между двумя фразами.

— Вы хотите отказаться от работы со мной?

— Я спрашиваю, хотите ли вы.

— Нет. Но если вам трудно, скажите.

— Мне трудно, — ответил он. — Но другой человек начнет все заново. Давайте пока я.

Мы договорились о следующей проверке. Пятьдесят минут на монтаж временного оборудования, час на проход с Асей, потом разбор. Я записала его условия и только после этого спросила стоимость.

Михаил назвал сумму. Общие замеры залов оплачивал Дом; эти прогоны были нужны для моего образца и шли отдельно. Я внесла сумму в таблицу рядом с оплатой Аси. Потом пересчитала, сколько мне останется, если заявку примут.

После звонка я открыла рабочий адрес «Смены». Доступ у меня еще оставался, но я давно им не пользовалась: в сентябре договорилась, что выгружу личные тексты и закрою учетную запись. Обещание тянулось уже почти два месяца. Там лежали письма клиентов, поздравление Антона с днем рождения, списки тех, кто не оплатил счета. Весь наш брак был распределен по папкам с неудачными названиями.

Я нашла июнь, сохранила свое письмо и два собственных черновика. Чужие папки не открывала. Написала Юле с личного адреса: мне нужно получить документы по тем работам, в которых участвовала я. Не срочно и не «выручи». Попросила назначить время.

Через десять минут она ответила: «В понедельник двадцать четвертого, после трех. И пожалуйста, не приезжай неожиданно».

Я подтвердила.

На столе продолжал лежать Антонов лист. Я спрятала его в обычную папку для документов, на которой еще не было подписи. Потом открыла аудиомаршрут и вычеркнула из первой фразы слово «перед».

«От входа пройдите три шага прямо». Я прослушала. Добавила, что входную дверь нужно оставить за спиной, и сделала пометку: в четверг проверить расстояние шагами Аси, не своими.

Глава 5. Семейный обед

Антон держал карниз, пока отец вкручивал крепление. Мама смотрела снизу и каждые полминуты говорила, что левый край ниже.

— Он по уровню, Тамара, — отвечал отец.

— Я вижу по потолку.

— А потолок у нас не по уровню.

На полу лежали старые шторы. Я приехала с картошкой к двум и обнаружила семейный субботник, хотя был четверг и никто не предупредил меня о других участниках. Мама приняла пакет, удивилась, что я без Антона: он, оказывается, уже час работал в комнате.

За восемь недель нашей отдельной жизни он не перестал быть человеком, которому звонили, когда нужно было повесить карниз.

Я прошла на кухню. На четыре тарелки мама положила салат. Пятую, маленькую, с нарезанными огурцами поставила возле моего места. Она знала, что я выбираю их из общего салата, но считала это привычкой, которую поздно исправлять.

— Мы с тобой договаривались, что я только завезу продукты, — сказала я.

— Ну не выгонять же мне человека, который помогает.

— Я не прошу выгонять.

— А что ты просишь? Скажи прямо.

Это был справедливый вопрос. Я сняла пальто и повесила его так, чтобы оно не касалось куртки Антона.

— Не приглашать нас вместе без предупреждения.

Мама закрыла контейнер с оставшимся салатом. Слишком сильно нажала на крышку, край выгнулся.

— Я не приглашала вас вместе. Я попросила его помочь. Твой отец на табуретку уже не полезет.

— Я могу оплатить мастера.

— Можешь. Только не все в жизни надо оплачивать.

Я промолчала. Мама подвинула мою тарелку, освобождая место под горячее. Я еще не соглашалась остаться, а она уже поправляла салфетку у моего локтя — точно так же, как в любое наше воскресенье.

Из комнаты вышел Антон, вытирая руки бумажной салфеткой. Увидел меня и остановился.

— Привет. Я не знал, что ты приедешь.

По его лицу было похоже, что правда не знал. От этого пришлось отказаться хотя бы от половины приготовленного раздражения.

— Привет.

Мы сели. Антон взял хлеб, передал отцу. Спросил, не приходил ли счет за обслуживание дома. Отец показал квитанцию, которую хранил на подоконнике под банкой с мелочью. Я двенадцать лет наблюдала, как они обсуждают суммы, которых не могут изменить. В этот раз мне вдруг стало жаль, что мы больше не будем приезжать сюда вдвоем по воскресеньям.

Я не хотела возвращаться. Но хотелось, чтобы возможность сидеть за этим столом не зависела от моего решения о браке.

— Как у тебя с работой? — спросил отец.

— Готовлю образец для Дома на Литейной.

— Она там хороший проект делает, — сказал Антон. — Мы еще летом обсуждали такое направление.

Я положила вилку.

Мы летом обсуждали, что я могла бы заняться своими заказами вместо исправления чужих сценариев в последний вечер. Антон ответил тогда, что мне никто не мешает. Через час попросил срочно сократить текст ведущему, потому что «у тебя за пять минут получится».

— Я делаю его сама, — сказала я.

Антон кивнул.

— Я же не спорю.

Мама стала предлагать горячее. Отец посмотрел на мою тарелку, потом на Антона.

— Так пусть расскажет, — сказал он. — Ты ж спросил.

Я рассказала. Про стол, который передвинули. Про Асю и ее вопрос о левом. Отец засмеялся, вспомнил, как к нему в кабину однажды постучал сердитый пассажир: трамвай вез его не туда. Оказалось, человек сел в противоположную сторону. Мама сказала, что посетителей надо встречать у двери, и мы пять минут спорили, что будет, если посетитель не захочет, чтобы его встречали.

Антон слушал. В какой-то момент подвинул ко мне маленькую тарелку с огурцами. Я взяла один. Он все еще помнил такие мелочи, и я сидела напротив него, не зная, куда деть совсем некстати проснувшуюся нежность.

После обеда он вышел на балкон ответить на звонок. Мама начала мыть посуду. Я встала рядом с полотенцем.

— Ты можешь не торопиться, — сказала она тихо. — Пожить отдельно. Только квартиру не делите пока. Потом жалко будет.

— Ты боишься, что я останусь без квартиры?

— И этого тоже.

— А еще чего?

Она потерла губкой чистое дно кастрюли.

— Что тебе будет плохо, а я не узнаю. Ты теперь все говоришь так, будто справляешься.

Я положила полотенце на край раковины. Обняла ее сбоку, неудобно, чтобы не попасть под воду.

— Мне бывает плохо. Не все время. И с ним тоже было плохо. Просто я вам меньше рассказывала.

Мама выключила кран.

— Он что-то сделал?

— Много раз. И я много раз соглашалась. Я не смогу сейчас объяснить все по порядку.

Она не стала спрашивать про другую женщину. За это я была благодарна.

Когда Антон вернулся с балкона, я предложила встретиться в выходные и обсудить квартиру. Не здесь, не при родителях.

— У меня до декабря денег на выкуп твоей доли нет, — ответил он.

— Я не прошу до декабря. Давай выясним, сколько стоит квартира и какие у нас варианты.

Он посмотрел на маму. Она стояла ко всем спиной и складывала крышки. Раньше я бы объяснила ему, что мама просто расстроилась. Сейчас промолчала.

На улице Антон догнал меня у подъезда.

— Мы могли бы не спешить с этим.

— С оценкой квартиры?

— Со всем.

Я застегнула куртку до подбородка. Ему не нравилось, когда молния царапала шею; он всегда просил оставить сантиметр.

— Тогда в воскресенье в три, — сказала я. — Я пришлю адрес кафе.

Он хотел еще что-то сказать, но я уже пошла к остановке. В пакете у меня лежала кастрюлька с супом. Мама все-таки успела собрать его, пока я одевалась.

Глава 6. Юлины папки

В воскресенье мы договорились заказать оценку и узнать, за какую сумму можно продать квартиру без спешки. Антон не спорил с тем, что половина принадлежит мне. Спорил с тем, что я хочу получить ее деньгами и жить отдельно.

В понедельник, двадцать четвертого ноября, я пришла в «Смену» в назначенное время. Мое прежнее место заняли коробки с сувенирными чашками. На мониторе, который я когда-то выбрала за отсутствие бликов, висел лист «Не выключать».

Юля предложила сесть в переговорной. Не обняла, только коснулась моего плеча, проходя мимо. Она носила новые очки, и от этого выглядела строже. Или просто я привыкла, что со мной ей не надо быть строгой.

— Антон знает, зачем ты пришла?

— Я написала ему, что хочу разобраться в июньских материалах.

— Ответил?

— Сказал, что я сама выбираю, на чью сторону вставать.

Юля потянула носом воздух.

— Он с утра даже кофе не выпил. Наверное, поэтому такой философ.

Я засмеялась. Юля тоже, но быстро перестала.

— Лид, я тебе все не вынесу. Тут клиентские данные, суммы, люди. Ты уже не работаешь у нас.

— Я понимаю.

— Не уверена. Ты раньше тоже говорила «понимаю», потом оказывалось, что я должна была догадаться сама.

Я поставила сумку на пол. Юля достала две папки. В одной лежали мои акты за весну, в другой — несколько распечаток.

— Вот твое письмо, которое ты попросила. Вот время отправки. Вот счет за твои тексты. Он оплачен, проверь, если сомневаешься. По чужим работам нужны отдельные основания. Кедров может сделать запрос по своему мероприятию. Или Антон разрешит.

— А если Антон не разрешит?

— Тогда не разрешит. Я не могу жить так, будто твоего мужа на свете больше нет, потому что ты ушла.

Я наклонилась к сумке, хотя доставать из нее было нечего. Юля подождала, пока я выпрямлюсь.

— Я не против тебя. Но после того июня мне два месяца звонили монтажники и спрашивали, где их деньги. Я не знала, что ответить. А у тебя перестал работать домашний принтер, помнишь? Ты просила, чтобы я заказала вам новый и оформила на студию.

Я помнила. Принтер понадобился для маминых документов. Антон сказал, что старый пора менять, а у студии скидка.

— Мне стыдно, — сказала я.

— Я не за этим. Просто у нас не одно и то же лето было.

Из коридора донесся голос клиента: ему все требовалось к пятнице. Юля закрыла дверь и села.

— Скажи, что тебе нужно узнать. Не получить против Антона, а узнать.

Я посмотрела в свой блокнот.

— Кто отправил согласованный резерв в «Берег». Кто знал, что в «Цехе» его нет. И почему Михаила отправили за техникой, если потом сказали, что он сам ушел.

Юля несколько раз повернула в пальцах колпачок ручки.

— Про резерв я распоряжение получила от Антона. В рабочей переписке. Горину писала сама, когда он спросил. Почему Антон считает, что Миша самовольно ушел, это ты у Антона спрашивай.

— Ты тогда не сказала?

Она подняла на меня глаза.

Я услышала свой вопрос и захотела забрать его назад.

— Антон сказал: «Горин и без того виноват, не лезь», — ответила Юля. — А если в бумагах начнут копаться, найдут мои ошибки и повесят на меня часть возврата. Я испугалась. Можешь записать. Только я сначала сама это скажу, кому надо.

В коридоре от души чихнули. Юля привычно крикнула «Будьте здоровы», потом сняла очки и протерла их краем кофты.

Мы договорились, что я попрошу Кедрова направить рабочий запрос. Юля ответит сама и приложит документы, за которые отвечает. Я записала адрес для запроса; папки она оставила на своей стороне стола.

Я получила свои документы и отдельный акт о передаче архивных текстов. Перед уходом Юля открыла нужную мне папку на компьютере, чтобы я забрала авторские файлы. В списке стояли названия, которые я придумала. В итоговых сценариях они стали «концепцией студии».

— Все выгрузила? — спросила она.

— Да.

— Тогда я заявку на закрытие адреса отправляю. Он у тебя так и висит.

Я подтвердила. На секунду захотелось попросить оставить еще на неделю: вдруг что-то забыла. Юля уже ждала ответа, и я повторила, что все забрала.

На улице шел мелкий мокрый снег. Я пошла пешком до районной библиотеки: ее заведующая заказала у меня короткую аудиозапись для выставки старых афиш. Денег немного, зато работа была моя, со сроком и суммой, названными заранее.

Заведующая встретила меня бутербродами и тревожным вопросом, не слишком ли дорого вышло. Я показала смету, которую она уже утвердила. Мы обе перечитали ее, успокоились и пошли в подсобку записывать голос местной билетерши. Та оказалась маленькой бодрой женщиной и несколько раз поправляла дату первого киносеанса.

Через час у меня был хороший рассказ о мужчине, который в девяностые покупал два билета и всегда приходил один. В конце билетерша призналась, что до сих пор не знает, кого он ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.